
Татьяна Савченко

К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ: ЕСЕНИН И МАЯКОВСКИЙ*

- «Эпоха умерщвления личности» В отношении С. Есенина и В. Маяковского к послереволюционной действительности больше различного, чем схожего.
- В результате социальных экспериментов на глазах крестьянских поэтов, вовлеченных в трагический конфликт с эпохой, началось невиданное крушение самого дорогого для них — традиционной крестьянской культуры, народных основ жизни и национального сознания. С. Есенин вполне осознанно начинает чувствовать современную ему эпоху как «эпоху умерщвления личности» уже к концу 1920 г. «Мне очень грустно сейчас, — пишет он в одном из писем, — что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый... без славы и мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений» [1].
- «Душа моя устала и смущена...» «Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею», — признается С. Есенин Н. Клюеву в декабре 1921 г. [2]. И повторяет вновь в письме ему от 5 мая 1922 г.: «Очень уж я устал...» [3].
- Очарование возможным будущим С восторгом встретивший революцию, предложивший, по свидетельству Л. Повицкого, новое летосчисление, указывая на обложках своих книг в 1918 г.: «2-й год 1-го ве-

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2003. № 1. С. 32–46.

ка», С. Есенин уже к началу 1920-х гг. имел вполне определенный взгляд на происходящее, отчетливо сознавая, какие трагические события России еще предстоит пережить. Непокорный и дерзкий, поэт бунтарского склада, С. Есенин уже тогда противопоставил себя Системе с ее требованием безоговорочного и безраздельного подчинения художника Власти. Окруженный редакторами и критиками, которые «больше ценят линию поведения, чем искусство» [4], С. Есенин активно протестовал против «розог человеческого творчества», не уставая повторять, что «человеческая душа слишком сложна для того, чтоб заковать ее в определенный круг звуков какой-нибудь одной жизненной мелодии или сонаты. Во всяком круге она шумит, как мельничная вода, просасывая плотину, и горе тем, которые ее запружают, ибо, вырвавшись бешеным потоком, она первыми сметет их в прах на пути своем» [5].

Очарование и... разочарование: «Веслами отрубленных рук Вы гребётесь в страну грядущего»

Обратимся и к свидетельству С.Г. Петрова (Скитальца), вспоминающего о выступлении С. Есенина в 1921 г. на заседании пролетарских писателей в ЛИТО: «Здесь говорили о литературе с марксистским подходом! Никакой другой литературы не допускается!.. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую ерунду! Три года мы молчали! Сколько же еще лет вы будете затыкать нам глотку?» [6]. «Веслами отрубленных рук Вы гребётесь в страну грядущего» [7], — никто из современников — соотечественников С. Есенина не бросил большевикам такого страшного — и открытого! — упрека, как С. Есенин в своих «Кобыльях кораблях» уже в сентябре 1919 г. [8]. Близкий знакомый С. Есенина А. Соболев рассказывал в 1925 г. В. Ходасевичу, что «так «крыть» большевиков, как это публично делал С. Есенин, не могло и в голову прийти никому в Советской России; всякий, сказавший десятую долю того, что говорил С. Есенин, давно был бы расстрелян» [9].

Поэта долго пытались «приручить»: сначала запугать, устроив над ним и близкими ему поэтами фарсовый «общественный суд» в Доме печати (1923), а затем «заглушить» его серьезные расхождения с властью; в 1924 г. относительно «есенинских выходок» был отдан специальный приказ московской милиции не давать им «дальнейшего хода» [10]. «Благодарю за дружбу граждан сих...» [11] — иронически отзовется поэт в «Стансах», датированных тем же годом, что и приведенный выше негласный приказ. Однако к концу 1925 г. становится ясно: «приручить» С. Есенина невозможно.

«Сергею Есенину» — Владимир Маяковский

Наиболее полно В. Маяковский выразил свое отношение к С. Есенину и его творчеству в стихотворении «Сергею Есенину», которое, как известно, считал «наиболее действенным» из всего написанного им к 1926 г.: «Для него не пришлось искать ни журнала, ни

издателя, — его переписывали до печати, его тайком вытащили из набора и напечатали в провинциальной газете, чтения его требует сама аудитория, во время чтения слышны летающие мухи, после чтения люди жмут лапы, в кулуарах бесятся и восхваляют, в день выхода появилась рецензия, состоящая одновременно из ругани и комплиментов» [12].

Социальный заказ

Работа по выполнению «социального заказа» требовала оперативности, немедленного вмешательства, поэтому на отдельных стихотворениях — «социальных заказах» В. Маяковского лежит печать торопливости и, как следствие, — такие произведения можно отнести лишь к разряду «однодневок». В качестве примера можно привести стихотворение «Дела вузные, хорошие и конфузные» (1927), посвященное ВХУТЕМАСУ. Это — также «социальный заказ», но выполненный, в отличие от «Сергею Есенину», слишком прямолинейно, «в лоб», а потому неубедительно: «И вот ячейка ЛКСМ, пройдя по этому омуту, объявляет по вузу всем — конкурс на лучшую комнату. Помыли полы, и скатерть на стол — и дом постепенно ожил, и стало «самоубийства гнездо» радостью молодежи. Боритесь за чистый стол и стул! Товарищи, больше попыток ввести электричество и чистоту в безрадостность нашего быта!» [13]

На смерть поэта
Сергея Есенина

На смерть Сергея Есенина откликнулись многие поэты, но в основном это были произведения невысокого художественного уровня: «...99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь» [14]. Многие из них явились невысокого качества перепевами есенинских мотивов:

Плачь, тальянка, с болью. Плачь, тальянка, страстно.

Плачь навзрыд о ярком, улетевшем сне.

Отшумели липы, сад отцвел прекрасный.

Сжег поэт надежды в буревом огне.

Павел Безруких [15]

Безусловно, самыми искренними и пронзительно-горькими стихами откликнулись на смерть С. Есенина крестьянские поэты: для них это была действительно тяжелейшая из утрат. В первую очередь, это стихи Николая Клюева «Плач о Сергее Есенине» [16] и цикл стихотворений Петра Орешина, опубликованный на страницах журнала «Красная новь» (1926, №1).

На предсмертное стихотворение С. Есенина В. Маяковский ответил произведением большой идейно-художественной силы, «обдуманно парализовав» его воздействие, с определенной целевой установкой: «...Сделать есенинский конец неинтересным, выставить вместо легкой красоты смерти другую красоту, так как все силы нужны рабочему человечеству для начатой революции, и оно, несмотря на тяжесть пути, на тяжелые контрасты нэпа, тре-

бует, чтобы мы славили радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм» [17].

Есенинскому

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей

В. Маяковский противопоставил свою поэтическую формулу активного отношения к жизни с целью «переделать» ее:

Для веселия

планета наша

мало оборудована.

Надо

вырвать

радость

у грядущих дней.

В этой жизни

помереть не трудно.

Сделать жизнь

значительно трудней [18].

«Мужиковствующие интеллигенты»

Одностороннему истолкованию сути творчества Сергея Есенина и причин его трагедии способствовали заявления Л.Д. Троцкого, всегда рассматривавшего крестьянство только как «материал революции», серую массу, назначение которой — помочь пролетариату в строительстве социализма. В книге «Литература и революция» о творчестве крестьянских писателей говорится в главе с выразительным названием «Литературные попутчики революции» («Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции?») [19]. Автор дает им такую характеристику: «Большинство попутчиков принадлежит к мужиковствующим интеллигентам. Интеллигентское же приятие революции, с опорой на мужика, без юродства не живет... Мужиковствующие сплошь загигают в сторону примитивного, тараканом отдающего национализма» [20].

Нелирическая эпоха

Прочитанный на вечере памяти Сергея Есенина во МХАТе одним из актеров доклад Л.Д. Троцкого о поэте был перепечатан затем едва ли не всеми газетами. В гибели С. Есенина Л.Д. Троцкий обвинил «нелирическую эпоху». «Наше время — суровое время, — читаем в его статье, — может быть, одно из суровейших в истории так называемого цивилизованного человечества. Революционер, рожденный для этих десятилетий, одержим неистовым патриотизмом своей эпохи. Есенин не был революционером. Автор «Пугачева» и «Баллады о двадцати шести» был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом — главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин» [21]. Подобные заявления Л.Д. Троцкого и его последо-

вателей от литературы намеренно сужали творчество С. Есенина, втискивая его в узкие рамки только лирической поэзии, объявляя творчество поэта «несозвучным» эпохе социалистических преобразований. Л.Д. Троцким было заимствовано у В. Маяковского определение «мужиковствующие», послужившее своеобразным «переходным мостиком» к определению «кулацкие».

Дискуссии о Есенине
и «есенинщине»

В 1926—1927 гг. по всей стране — в печати, на митингах в рабочих и студенческих аудиториях, на фабриках, заводах, в общежитиях, на собраниях коммунистов, беспартийных и в комсомольских ячейках — прокатилась волна дискуссий о С. Есенине и «есенинщине» [22], получившая широкий — в том числе международный — резонанс.

Критик Г. Бергман, отмечая сложность творчества С. Есенина, писал: «Не в том задача, чтобы огульно хаять Есенина. Задача в том, чтобы молодежь научилась относиться к Есенину критически, беря хорошее и нужное, не смешивая Есенина с «есенинщиной», да и в самой поэзии его отделяя здоровую лирику от всего упадочного» [23]. Как видим, Г. Бергман призывает не смешивать два понятия, принципиально различные, — «есенинщина» и поэзия С. Есенина, но в названии самой его статьи («Есенин — зная упадочных настроений») эти понятия синонимичны.

Секрет есенинской поэзии
в ее трагичности

Нельзя не отметить крайность другого рода — намеренное подчеркивание трагических мотивов, «болезненных процессов» творчества поэта. Пример такой крайности — статья Федора Жица «Почему мы любим Есенина?» [24]. Автор считает — и во многом справедливо, — что секрет есенинской поэзии в ее трагичности: основные источники искусства бьют из боли и неудовлетворенности, а не из радости и сытости. Поэты — вестники беспокойных исканий человечества, и подлинное искусство чаще всего — патология, отклонение от нормы, чем радостное иллюстрирование действительности. Ф. Жиц указывает, что болезненные процессы, отображенные в искусстве, глубже, содержательнее и разнообразнее мотивов довольства и сытости. У счастливого человека нет своего места в искусстве — его биография скучна и неинтересна для читателя: «В нашей современной поэзии много краснощеклой молодости, много обывательского самодовольства, но нет трагедийной зрелости. И поэтому она малолюбопытна. Есенин — единственная трагическая фигура в нашем сегодняшнем искусстве. И за боль и кровь его поэзии так приковано любим мы его... Вот почему все мы с ним, с Есениным, а не стальными соловьями, бездушно имитирующими голоса эпохи, волнение творчества заменившими формальным и бездушным порядком» [25].

Критика, критика,
критика

С резкой критикой занятой Ф. Жицем позиции выступил А. Безыменский, продолживший дискуссию о природе есенинского творчества статьей «Прошу слова как комсомолец!». В. Маяковский,

активно в то время сотрудничавший с редакцией «Комсомольской правды», куда со всей страны стекалась информация о проявлениях упадочнических настроений среди молодежи, активно включился в полемику вокруг имени поэта.

Наиболее значительные из диспутов были проведены 20 декабря 1926 г. в театре Мейерхольда («О Есенине и «есенинщине»), а также 13 февраля и 5 марта 1927 г. в Коммунистической академии («Упадочное настроение среди молодежи («есенинщина»)»).

На диспутах 13 февраля и 5 марта председательствовал В.М. Фриче, основной доклад сделал А.В. Луначарский, он же произнес заключительное слово. Диспут был представительным — кроме В. Маяковского, А.В. Луначарского и В.М. Фриче, в нем участвовали В.П. Полонский, К.Б. Радек, В.В. Ермилов, В.Г. Кнорин, И.М. Нусинов, рабочая и студенческая молодежь.

Свое выступление В. Маяковский начал с того, что отделил одно понятие от другого: «...Ставить знак равенства между всем упадочничеством и Есениным — бессмысленно. Упадочничество — явление значительно более серьезное, более сложное и большее по размерам, чем Сергей Есенин» [26]. На конкретных примерах он показал, что причины возникновения подобных настроений достаточно глубоки и серьезны, а форма проявлений их различна: «Есенины сами по себе не так страшны, а страшно то, что делают из них тт. Полонские, тт. Воронские и тт. Сосновские» [27].

«Надо понимать литературное значение Сергея Есенина»

В. Маяковский много говорил и о необходимости более тонкого анализа есенинской поэзии. Молодежь тех лет не знала глубоко творчества С. Есенина, воспринимала его стихи в интерпретации различных «толкователей». В связи с этим В. Маяковский говорил: «Надо понимать литературное значение Есенина, роль его в нашей литературе, размеры его дарования, то, что пригодно в нем для нас и что не пригодно, но в этом ни один себе отчета не дает. Есенина у вас не знают, читают пять-шесть стихотворений, и то по величайшему популяризатору т. Сосновскому» [28].

Владимир Маяковский иногда прибегал к мистификации...

Особое внимание В. Маяковский акцентировал на той идейно-политической роли, которую, на его взгляд, должно играть поэтическое произведение: «Прежде всего и раньше всего — про ценность Есенина. Он умел писать стихи? Это ерунда сущая. Пустяковая работа. Сейчас все пишут, и очень недурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов оружие революции? И если ты даже скапультился на этом деле, то это гораздо сильнее и почетнее, чем хорошо повторять: «Душа моя полна тоской, а ночь такая лунная!» [29]. Пытаясь доказать, что читатели, много говорившие о любви к есенинской поэзии, на самом деле не знают ее, В. Маяковский, по его собственному признанию, иногда прибегал и к литературной мистификации: читал стихи А. Блока, выдавая их за

- есенинские, в измененном виде цитировал стихи С. Есенина. П. Лавут в этой связи приводит слова В. Маяковского: «Я читаю строки, лишенные логического смысла, неправильно цитирую Есенина, и ни один человек не обратил внимания и ни один ни слова не сказал об этом» [30]. Отсюда вывод: «Колоссальное увлечение Сергеем Есениным объясняется тем, что не знают ни что такое литература вообще, ни что такое есенинская, ни что такое Есенин» [31].
- «Была колоссальная задача побороть упадочную лирику Есенина...» В выступлении на Втором расширенном пленуме Правления РАПП 23 и 26 сентября 1929 г. В. Маяковский вернулся к дискуссиям о С. Есенине и «есенинщине»: «Была колоссальная задача побороть упадочную лирику Есенина утверждением бодрости к трудности жизни. Выполнили ли это задание? Выполнили. И здесь битьем по упадочническим настроениям были мои стихи Есенину» [32].
- В. Маяковский не однажды преступил грань... К сожалению, в мутной волне различных «приговоров» и «проработок» В. Маяковский не однажды преступил грань уважительного отношения к имени ушедшего поэта. Выступая на диспуте «Театральная политика Советской власти» (2 октября 1926 г.) в Комкадемии, Маяковский косвенно отозвался о Есенине, высказав свое отношение к булгаковской пьесе «Дни Турбиных», публичная генеральная репетиция которой состоялась в Художественном театре утром того же дня: «Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть — и пискнул. А дальше мы не дадим. (Голос с места: «Запретить?») Нет, не запретить. Чего вы добьетесь запрещением? Что эта литература будет разноситься по углам и читаться с таким удовольствием, как я 200 раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина» [33].
- «Тем хуже, что он (Сергей Есенин) был талантлив» Перед выступлением на гастролях в Ростове (1926) В. Маяковский пояснил с эстрады: «Есенин, безусловно, талантливый поэт, но он часто писал не то, что нам надо, и этим приносил не пользу, а вред: тем хуже, что он был талантлив. Столыпин, например, был достаточно талантливым политическим деятелем, но тем вреднее он был для нас и *тем приятнее, что его убили*» (курсив наш. — Т.С.) [34].
- Резкие нападки: «сентиментальная гитарщина» Борьбу с «есенинщиной» В. Маяковский вел не только на диспутах, посвященных непосредственно поэзии С. Есенина, но и на других, участие в которых принимал. Таков, например, один из них, на первый взгляд далекий от проблем, связанных с творчеством С. Есенина: «Вопросы пола и брака в жизни и в литературе». На нем В. Маяковский обратился к вопросу публикации есенинских стихов, по его выражению, «сентиментальной гитарщины»: «...В «Красной ниве», в прошлом номере, четыре стиха Есенина на первой странице! (Голос с места: «Вам жалко, что не Ваши?») — Нет, мне не жалко, а я радуюсь, что моих рядом нет» [35].
- В.П. Полонский последовательно защищал поэзию Сергея Есенина В то время едва ли не у одного В.П. Полонского, выступившего против лефовцев с рядом статей (отсюда — характеристика деятель-

ности Полонского при обсуждении его статей на заседании сотрудников «Нового Лефа»: «Это — самый вредный тип редакторов») [36], хватило мужества последовательно защищать поэзию С. Есенина. На диспуте «Леф или Блеф» (23 марта 1927 г., Большая аудитория Политехнического музея) он неоднократно прерывал выступление В. Маяковского репликами в защиту поэта. В. Маяковский обратился к слушателям с вопросом: «Какого Есенина защищал Полонский? Того, о котором Бухарин писал... [37] (далее пересказ содержания бухаринских «Злых заметок». — Т.С.). Полонский сказал: «Бухарин выступал не против Есенина, а против есенинщины». Здесь фамилия Есенин в этих словах «Заметок» Бухарина стоит точно, всеми буквами написана. (Реплика В.П. Полонского: «Здесь сказано: не по Есенину, а по «есенинщине»... «А залп по «есенинщине», а не по Есенину». <...> «Или Полонский — наивный мальчик... и не видит Булгакова с «Днями Турбиных», Есенина, Замятина?» [38].

В. Маяковский не представляет темы есенинщины

Можно было бы перечислить и еще целый ряд резких отзывов В. Маяковского о творчестве С. Есенина. Обостренное внимание к есенинской поэзии он объяснял, например, только фактом трагической смерти поэта [39], поклонников есенинской поэзии называл пренебрежительно «есенинчиками», «есенистами» и т.д. Полемические выпады против С. Есенина В. Маяковский продолжает и в стихах этого времени: «Бей белых и зеленых» (1928), «За что боролись» (1929), «Во весь голос» (1929—1930). В его произведениях немало отрицательных персонажей «под Есенина»: например, мещанин из киносценария «Позабудь про камин» (1927—1928) — «красивый парень сельско-есенинского вида», который, «почесываясь, читает «Мощи» Калининкова, а «на стене прищиплены открытки: Есенин, Гарри Пиль, из-за них клоп» [40]. Или — картина того же киносценария: «под обвисающими обоями общежития вуза столик с водочной четвертью; ерошащий волосища мультипликационный юнец мусолит Есенина...» [41]. «Упадочничество», «есенинщина» становятся в те годы темой художественных произведений и других авторов [42].

Н.И. Бухарин: «Злые заметки»

Серьезные ошибки в оценке есенинского творчества и объяснении причин его трагедии допустил Н.И. Бухарин. Опубликованные 12 января 1927 г. в «Правде», изданные тогда же отдельной книгой (с подзаголовком: «о социальном значении поэзии Есенина»), перепечатанные затем журналам «Октябрь», бухаринские «Злые заметки» явились «мощным залпом» не только по «есенинщине», но и по самому С. Есенину, творчество которого Н.И. Бухарин так и не сумел оценить: «Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе, «ухарь»

припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно русская» картина!» И далее: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Поэзии С. Есенина Н.И. Бухарин противопоставил — и отдал предпочтение последним — творчество «бодрых людей, в гуще жизни идущих, храбрых строителей, знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству, кабацким слезам, разгильдяйству, кичливости и юродству». (По мысли Н.И. Бухарина, все здесь перечисленное и есть самое характерное в есенинском творчестве). Заканчивалась работа гневным разоблачением-предостережением: «Блаженнейшие «нищие духом», Христа ради юродивые, кафешантанные «гении» на полчаса — подальше от них!..» [43].

Циничные выступления против Сергея Есенина

Весьма выразительной иллюстрацией к бухаринским «Злым замечкам» явился сценарий кинопамфлета «Против есенинщины», в котором его авторы Н. Экк, И. Шток, Р. Янушкевич произвели такой «залп» по есенинскому творчеству и самому поэту, что трудно вообразить что-либо более циничное» [44].

Л. Сосновский: «Развенчайте хулиганство!»

«Злые замечки» удивительным образом перекликаются с опубликованной несколькими месяцами ранее самой, пожалуй, разнузданно-вульгарной статьей «против Есенина» — «Развенчайте хулиганство!» журналиста Л. Сосновского, перекликаются не только своим содержанием, но и почти буквальным совпадением лексического словаря обоих авторов. «Уже прошел первый угар, — констатирует Сосновский, — вознесший этого свихнувшегося талантливого неудачника чуть ли не в великие национальные поэты... Только попустительством наших редакторов можно объяснить, что лирика взбесившихся кобелей попадает в поэзию людей». Н.И. Бухариным был подхвачен и сформулированный Л. Сосновским по отношению к С. Есенину многозначительный, с далеко идущими выводами, тезис: «хулиганство бытовое очень подозрительно пахнет политически...» [45].

«Злые замечки» Н.И. Бухарина и «Развенчайте хулиганство!» Л. Сосновского с их намеренно упрощенной схемой эволюции есенинского творчества, чудовищным заострением «негативных» черт его поэзии далеко превосходят вульгарно-социологические работы того времени, сыгравшие свою роль в забвении творчества поэта на долгие годы. Свою «лепту» сюда внесла и В. Инбер, в ста-

тье которой С. Есенину отказано в праве называться великим национальным поэтом: «Древние были учтивы, — философствует поэтесса конструктивизма. — Они придумали беспощадную в своей учтивости фразу: «О мертвых либо ничего, либо хорошо». <...> Над Есениным протянулась лента со словами «Тело великого национального поэта». Над этими словами задумываешься. Действительно ли великого и действительно ли национального? И приходишь к заключению, что это сказано хорошо... по рецепту древних» [46]. Как это нередко бывает в диспутах и спорах, вторичные их круги в провинции были еще более шумными, а приговоры — еще более суровыми. Так, украинский критик М. Степняк в 1929 г. поспешил констатировать, что «мода на Есенина» прошла и его стихи «вряд ли произносятся где-либо». «Несомненно, Есенин умер для литературной и литераторствующей молодежи, — заключает критик. <...> Окруженный испарениями пивной рвоты и пороховым дымом журнальных дискуссий, стертый поцелуями поклонников и поклонниц, портрет Есенина стал едва различимым...» [47]. Работа М. Степняка — яркий пример того вульгаризаторского подхода к творчеству С. Есенина, который так претил всегда В. Маяковскому.

«В горле горе комом» К чести В. Маяковского нужно отметить, что личными соображениями (в чем его обвиняли неоднократно литературные противники), выступая на диспутах, он не руководствовался никогда. Все-таки суть его истинного отношения к С. Есенину, личная боль утраты («в горле горе комом») выражены не в полемических выступлениях в борьбе с пресловутой «есенинщиной», а в стихотворении «Сергею Есенину», в искренности оценок которого сомневаться не приходится:

Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел [48].

Социальные условия — важнейший фактор, определяющий самосознание

Для В. Маяковского С. Есенин и «есенинщина» являлись принципиально различными понятиями и первое он отстаивал, второе подвергал суровой критике. Отдельные резкие ивективы В. Маяковского в адрес С. Есенина вызваны остротой литературной борьбы тех лет и, в общем, положительного отношения к творчеству С. Есенина не снижают и не зачеркивают. В этом плане мы вполне разделяем точку зрения К.Г. Петросова, обратившегося в своей рецензии на опубликованную в СССР с большим опозданием книгу Ю. Карабчиевского [49] с пожеланием «ко всем, кто собирается говорить на эту тему: пишите так, чтобы читатель увидел

В. Маяковского — человека и поэта — без «хрестоматийного глянца», но и не искаженного дурной тенденциозностью», хотя и отметившего при этом, что «пожелание это трудновыполнимо...» [50]. Выраженные в статье позиции высвечивают значимые грани двух ярких поэтов и личностей — Сергея Есенина и Владимира Маяковского.

1. *Есенин С.* ПСС: В 7 т. М., 1995—2001. Т. 6. С. 116.
2. Там же. Т. 6. С. 129.
3. Там же. Т. 6. С. 135.
4. Там же. Т. 6. С. 132.
5. Там же. Т. 5. С. 211.
6. *Петров С.Г. (Скиталец).* Воспоминания. [Б.д.] РГАЛИ, ф. 484, оп. 3, ед. хр. 15.
7. *Есенин С.* ПСС: В 7 т. М., 1995—2001. Т. 2. С. 66.
8. В черновом автографе к стихотворению «Прядите, дни, свою былую пряжу...» («Метель» и «Приступ второй» — «Весна») с пометой рукой С.А. Толстой: «Зима 1925 г.» С. Есенин записывал:
Знать, потому
И с Марксом я не слажу,
Что он чужой мне,
Скучный человек.
И далее — вспоминая недавние годы: «Нас много пело. Хор разноглосья. Ему внимали дураки и дуры...» (*Есенин С.* «Прядите, дни, свою былую пряжу...», «Приступ второй». Автограф. 1925. РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 51, л. 1—2).
9. Цит. по: *Ходасевич В.* Есенин // Русский рубеж. М., 1990. № 3. С. 6. Есть все основания утверждать, что в изменившемся отношении Есенина к происходящему немаловажную роль сыграл Н. Клюев. Особенно явственно это видно из воспоминаний А. Назаровой. Резко негативно относившаяся к олонечкому поэту, автор воспоминаний подчеркивает, какое влияние имел Н. Клюев на С. Есенина после возвращения последнего из зарубежного путешествия, когда он «тихо, как дьячок великим постом где-то читает в церкви — соболезновал о России, о поэзии и прочих вещах, погубленных большевиками...»
Говорилось это, — добавляет мемуаристка, — не прямо, а тонко и умно, так что он, невинный страдалец, как будто и не говорил ничего». А. Назарова обвиняет Н. Клюева «с его сладкими речами и слезами о гибели Руси» в «антиобщественных» поступках С. Есенина 1923 г., прямо указывая, что «беспрерывное ворчание

- Клюева и его рассуждения о гибели России — пустили корни» в душе С. Есенина // Назарова А. Воспоминания. [Б.д.] РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 132. Л. 14—17.
10. В этом плане небезынтересно ознакомиться с фрагментом воспоминаний Ф.А. Гутшейна, занимавшего в те годы один из руководящих постов в московской милиции, отосланных им в 1950-е годы К.Д. Зелинскому. «Работая в административных органах, — сообщает Ф.А. Гутшейн, — я ежедневно знакомился со сводками дежурных по городу о происшествиях. В них я не раз встречал фамилию поэта, которому приписывались: опьянение, дебош и нездоровые призывы в общественных местах» (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 571. Л. 2).
11. Есенин С. ПСС: В 7 т. М., 1995—2001. Т. 2. С. 135.
12. Маяковский В.В. ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 93.
13. Там же. Т. 8. С. 126—127.
14. Там же. Т. 12. С. 96.
15. Безруких П. Памяти Сергея Есенина // Жизнь искусства. 1926. № 2. С. 5. Подробнее о стихах-посвящениях С. Есенину см.: Савченко Т.К. Сергей Есенин и его окружение. М., 1990. С. 191—193.
16. На одной из хранящихся в РГАЛИ афиш, извещающей о вечере памяти поэта в БДТ 10 января 1927 г., название клюевского произведения набрано с поразительно уместной опечаткой — «Плачь о Сергее Есенине» (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 1334).
17. Маяковский В.В. ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 97.
18. Там же. Т. 7. С. 105.
19. Троцкий Л. Литература и революция. М., 1924. С. 45.
20. Там же. С. 69—70.
21. Есенин. Сборник / Под ред. Е.Ф. Никитиной. М., 1926. С. 94.
22. Начата на страницах «Комсомольской правды» 15 июня 1926 г. письмом Ц. Фельдман, озаглавленном известной фразой Луначарского о поэзии П. Верлена: «Мало ли есть вкусных ядов!»
23. Бергмиан Г. Есенин — знамя упадочных настроений // Комсомольская правда. 1926. 15 июня.
24. Первоначальный вариант: Жиц Ф. Есенин. Статья. Машинопись. [Б.д.] РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 127. 8 л.
25. Жиц Ф. Почему мы любим Есенина? // Красная новь. 1926. № 5. С. 216—222.
26. Маяковский В.В. ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 312.
27. Там же. Т. 12. С. 316.
28. Там же. С. 313.
29. Там же. С. 319.
30. Там же. С. 636.
31. Там же. С. 313.
32. Там же. С. 390.

-
33. Цит. по: Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М., 1958. С. 40.
 34. Цит. по: *Лавут П.* Маяковский едет по Союзу: Путевой дневник 1926—1930 // Знамя. 1940. № 4—5. С. 209.
 35. Цит. по: Встречи с прошлым. Вып. 1. М., 1970. С. 185.
 36. Новый Леф. 1927. № 3. С. 40.
 37. В своих выступлениях В. Маяковский нередко использовал определения бухаринских «Злых замечок». Так, в докладе «Лицо левой литературы» он перечислил «вредные» стороны есенинского творчества: «пьяный угар, кликушество, распутиновщина под маской кудрявого Леля» (*Маяковский В.В.* ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 496).
 38. Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М., 1958. С. 52—53.
 39. *Маяковский В.В.* ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 71.
 40. Там же. Т. 11. С. 191.
 41. Там же. С. 202.
 42. См.: *Киришон В., Успенский А.* Кореньковщина // Молодая гвардия. 1926. № 10.
 43. *Бухарин Н.* Злые заметки // Октябрь. 1927. № 2. С. 130—137.
 44. *Экк Н.В., Шток И.В., Янушкевич Р.В.* Против есенинщины: Сценарий кинопамфлета: В 2 ч. Авторизованная машинопись. 1927. РГАЛИ, ф. 2794, оп. 1, ед. хр. 52. 8 л.
 45. Правда. 1926. 19 сентября.
 46. *Инбер В.* Сергей Есенин // Новый зритель. 1926. № 2.
 47. *Степняк М.* Сергей Есенин: Опыт реставрации стилистического и идеологического облика // Красное слово. Гос. изд-во Украины. Кн.3. Март 1929. С. 93—95.
 48. *Маяковский В.В.* ПСС: В 13 т. М., 1956. Т. 7. С. 101.
 49. *Карабчиевский Ю.* Воскресение Маяковского. М., 1990.
 50. *Петросов К.* Посмертное распятие поэта: Маяковский сегодня // Книжное обозрение. 1991. № 15. С. 6.